

Научная статья

УДК/UDC 341

DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-83-87

Правовое положение прокурора Международного уголовного суда**А. Т. Рагимов¹, Д. М. Галбацов²**^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация¹ ragimov1510@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2427-5864>² galbatsov001@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются нормативные документы, устанавливающие стандарты и требования этического и профессионального поведения прокуроров Международного уголовного суда. Проведен анализ процессуального положения прокурора в системе международного правосудия. Рассмотрены требования, которыми должны обладать лица, рекомендуемые к назначению на должность прокурора Международного уголовного суда. Выявлены основные этические стандарты поведения сотрудников канцелярии обвинителя Международного уголовного суда. Исследуется основные задачи и фундаментальная роль прокуратуры в расследовании или судебном преследовании международных преступлений. Актуальность данной работы заключается в необходимости создания единого кодекса, регулирующего этическое поведение международных прокуроров, а также строгого отбора кандидатов, назначаемых на должности международных прокуроров. Существуют многие сферы деятельности лиц, осуществляющих международное правосудие, где отсутствуют нормативные стандарты поведения, профессионализма и независимости. В системе международного правосудия, на сегодняшний день отсутствует специализированный орган, регулирующий деятельность и дающий юридическую оценку действиям (бездействиям) канцелярии обвинителя.

Ключевые слова: международный уголовный суд, обязанности, кодекс поведения, этика, прокурор, канцелярия обвинителя, Римский Статут, стандарты, профессионализм, независимость прокурора

Для цитирования: Рагимов А.Т., Галбацов Д.М. Правовое положение прокурора Международного уголовного суда // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 46, № 2 (66). С. 83–87. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-83-87

Original article

Legal status of the Prosecutor of the International Criminal Court**Azadi T. Raghimov¹, Jamal M. Galbatsov²**^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation¹ ragimov1510@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2427-5864>² galbatsov001@mail.ru

Abstract. The article examines normative documents that establish standards and requirements for ethical and professional behavior of prosecutors of the International Criminal Court. The analysis of the procedural position of the prosecutor in the system of international justice is carried out. The requirements that persons recommended for appointment to the post of Prosecutor of the International Criminal Court should have are considered. The main ethical standards of behavior of the staff of the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court have been identified. The main tasks and fundamental role of the Prosecutor's office in the investigation or prosecution of international crimes are investigated. The relevance of this work lies in the need to create a unified code regulating the ethical behavior of international prosecutors, as well as a strict selection of candidates appointed to the positions of international prosecutors. There are many areas of activity of persons exercising international justice where there are no normative standards of conduct, professionalism and independence. In the system of international justice, there is currently no specialized body regulating the activities and giving a legal assessment of the actions (inactions) of the Office of the Prosecutor.

Keywords: international Criminal Court, duties, code of conduct, ethics, prosecutor, office of the Prosecutor, Rome Statute, standards, professionalism, independence of the prosecutor.

For citation: Raghimov A.T., Galbatsov D.M. Legal status of the Prosecutor of the International Criminal Court. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 46, no. 2(66), pp. 83–87. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-83-87. (In Russ.).

Международный уголовный суд представляет собой постоянно действующий судебный орган, учрежденный Римским статутом Международного уголовного суда (1998) для расследования, судебного преследования и предания суду лиц, обвиняемых в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, и вынесения приговоров к тюремному заключению лицам, признанным виновными в таких преступлениях. 1 июля 2002 года, после того как необходимое число стран (60) ратифицировали соглашение, суд начал заседания. Штаб-квартира компании находится в Нидерландах, в Гааге.

Международный уголовный суд был создан как суд последней инстанции для судебного преследования за наиболее тяжкие преступления в случаях, когда национальные суды бездействуют. В отличие от Международного суда, который рассматривает споры между государствами, Международный уголовный суд занимается судебным преследованием отдельных лиц. Юрисдикция Суда распространяется на преступления, произошедшие после 1 июля 2002 года, которые были совершены либо в государстве, ратифицировавшем соглашение, либо гражданином такого государства [1, с. 6].

Предложение о создании должности независимого прокурора с правом возбуждения и расследования дел при наличии достаточных доказательств серьезных нарушений получило широкую поддержку в ходе переговоров на Римской конференции. Хотя прокурор имеет право инициировать такие расследования, Римский Статут содержит подробные положения, призванные обеспечить надлежащий контроль за этим правом [5, с. 2].

С самого начала существовала необходимость создать канцелярию, а также другие элементы Суда в форме, которая удовлетворяла бы приверженцев совершенно разных традиций уголовного правосудия в разных странах мира, которые подписали бы Статут. Это потребовало достижения некоего компромисса между традициями общего права и юрисдикциями гражданского права. Учитывая некоторые различия внутри каждой системы, статус, структурное расположение и роль прокуроров в этих двух системах различны [2, с. 32].

В юрисдикциях общего права прокуроры, как правило, административно расположены в рамках исполнительной ветви правительства и подчиняются руководству старшего члена исполнительной власти (традиционно, давно созданной канцелярии Генерального прокурора). Опасения сократить возможности для нежелательного пристрастного политического руководства прокурорами привели к различным ответным мерам в разных юрисдикциях. В континентальных юрисдикциях гражданского права статус, структурное расположение и подотчетность прокуроров традиционно ассоциировались с судебной, а не с исполнительной ветвью власти, и именно благодаря этой связи с судебной

системой (или магистратурой) они стремятся обеспечить их «независимость от партийного политического руководства» [2, с. 32].

В юрисдикциях гражданского права прокуроры обычно несут как следственные, так и прокурорские обязанности, тогда как в большинстве (но не во всех) юрисдикциях общего права ответственность за уголовные расследования лежит исключительно на полиции, а не на прокурорах, и в некоторых полиция пользуется значительной «независимостью» от руководства или влияния прокуроров при выполнении своих обязанностей по расследованию и предъявлению обвинений. Прокуроры в юрисдикциях общего права пользуются высоким уровнем дискреционных полномочий (включая учет «общественных интересов» в качестве основы для принятия решений), в то время как принятие прокурорских решений в юрисдикциях гражданского права, по крайней мере, теоретически, подчинялось «принципу законности», который при добросовестном соблюдении значительно сужает возможности законного осуществления дискреционных полномочий. Наряду с согласованностью прокуратуры с судебной системой этот принцип законности считался важной гарантией от нежелательного партийного политического влияния на процесс принятия прокурорских решений [6, с. 68].

Создавая канцелярию прокурора нового Международного уголовного суда, разработчики Римского статута столкнулись с проблемой поиска приемлемого компромисса между этими различными прокурорскими традициями. Хотя имелись некоторые прецеденты, на которые можно было опираться, по целому ряду причин они были не применимы в постоянном международном уголовном суде.

По крайней мере, по двум понятным причинам модель канцелярии прокурора международного уголовного суда, которая появилась в положениях Римского статута, была более похожа на гражданское право, чем прокурорская модель общего права. Во-первых, поскольку не существует международного эквивалента демократически избранного внутреннего национального правительства, тиражирование модели общего права в Международном уголовном суде было бы практически невозможно. Несмотря на это, Совету Безопасности ООН была отведена значительная роль в принятии решений о преследовании в Международном уголовном суде. Во-вторых, тот факт, что прокурор в Международном уголовном суде не имеет международной полицейской службы, к которой он мог бы обратиться, означает, что канцелярия прокурора международного уголовного суда неизбежно потребует своих собственных следственных, а также прокурорских обязанностей и полномочий [7, с. 101].

Прокурор Международного уголовного суда находится на критическом этапе работы Суда, где

сходится давление закона и политики. Статут предусматривает, что прокурор может инициировать расследования *proprio motu* на основе полученной информации – важное полномочие, которое, как ожидается, улучшит восприятие канцелярии прокурора международного уголовного суда как «независимого» ведомства. Тем не менее, включение этого полномочия было предметом значительных разногласий, на которые первый назначенец ссылаясь в своем вступительном слове [3, с. 48].

Сам Суд (и, следовательно, его прокурор) обладает юрисдикцией в отношении очень ограниченного круга международных уголовных преступлений (военные преступления, преступления против человечности, геноцид и преступления агрессии), как определено в статьях 5-8 Статута, и только тех, которые были совершены после фактического учреждения суда в 2002 году. Даже в этих случаях в преамбуле к Статуту указывается, что юрисдикция Суда зависит от «тяжести» преступления (он обладает юрисдикцией только в отношении «наиболее серьезных преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества»), и Суд обязан признать дело «неприемлемым», если он сочтет, что дело не соответствует этому критерию серьезности. Статья 17 также требует, чтобы Суд признал дело неприемлемым на основе принципов двойной опасности, когда подозреваемый уже был «по-настоящему» расследован и/или привлечен к ответственности в связи с преступлением, подпадающим под юрисдикцию государства. Суд обладает юрисдикцией только в отношении лиц, которым на момент совершения предполагаемого преступления было восемнадцать лет или старше [8, с. 134].

Суд обладает юрисдикцией в отношении преступлений только в том случае, если государство (государства), в котором (которых) предположительно произошли преступления, или государство (государства), гражданами которого (которых) являются предполагаемые исполнители, либо являются участниками Статута, либо признали юрисдикцию Суда, или ситуация была передана прокурору Советом Безопасности ООН. Суд обладает юрисдикцией только тогда, если соответствующее государство проявило нежелание или неспособность привлечь правонарушителей к ответственности в своих собственных национальных судах – так называемый «принцип взаимодополняемости». Прокурор может провести официальное расследование «*Motu proprio*» только с одобрения Палаты предварительного производства Суда [4, с. 35].

Рассмотрение дела может быть приостановлено (первоначально на один год, но приостановление может быть продлено на неопределенный срок) резолюцией Совета Безопасности ООН, если Совет Безопасности определит, что это требуется в интересах «международного мира и безопасности». Кроме того, Совет Безопасности может ока-

зать давление на прокурора с целью расследования дела, используя свои полномочия по передаче ситуации в Суд в соответствии со статьей 13 Статута. Помимо того, что это юридическое ограничение, осуществление этих полномочий Совета Безопасности связано с самыми высокими уровнями международной политики. Внутриполитические власти редко обладают такими неограниченными юридическими полномочиями влиять на принятие прокурорских решений, какие эти положения предоставляют Совету Безопасности [9, с. 41].

Совокупный эффект всех этих ограничений на юрисдикцию канцелярии прокурора международного уголовного суда заключается в значительном ограничении практической независимости прокурора в отношении принятия следственных и прокурорских решений и неизбежно требует от прокурора участия в деликатных и сложных политических переговорах во многих случаях, просто чтобы добиться успешного выполнения своих решений. При этом прокурор международного уголовного суда должен полагаться на сотрудничество и поддержку со стороны самого Суда, ООН, правительств штатов, местных и международных правоохранительных органов, НПО и даже повстанческих групп, все из которых потенциально могут поставить под угрозу его или ее политическую независимость в значительной степени большей или меньшей степени.

Таким образом, в свете этих существенных ограничений и препятствий идея о том, что вид политической независимости, которой пользуются национальные прокуроры во многих странах, может быть легко воспроизведен в международном уголовном суде, является совершенно нереалистичной. До сих пор это действительно имело место [10, с. 315].

Что касается автономии прокуроров, работающих в международном уголовном суде, Кодекс определяет, что канцелярия прокурора должна действовать независимо, как отдельный орган от суда и, следовательно, ее члены должны осуществлять свои функции без какого-либо внешнего воздействия, побуждения, давления, угрозы или вмешательства, прямо или косвенно наделяя полномочиями прокурора по обеспечению полной независимости сотрудников. Кроме того, учитывая, что канцелярия обвинителя уполномочена действовать объективно, расследуя как обвинительные, так и оправдательные обстоятельства, ожидается, что прокурор Международного уголовного суда будет проводить расследования с целью установления истины и в интересах правосудия и будет вести себя беспристрастно [5, с. 5]. Следует также отметить, что беспристрастность является основополагающим принципом Кодекса поведения прокурора, который включает, помимо прочего, соблюдение презумпции невиновности, воздержание от выражения мнения, которое может подорвать требуе-

мую беспристрастность, и полное соблюдение правил раскрытия доказательств.

При исполнении своих обязанностей прокуроры международного уголовного суда должны также соблюдать требования конфиденциальности (которые не заканчиваются прекращением службы); в частности, они не должны раскрывать конфиденциальную информацию или раскрывать содержание материала, который международный уголовный суд считает менее конфиденциальным, если только это не разрешено международным уголовным судом [5, с. 5].

Международных прокуроров и судей следует рассматривать как международную судебную систему в целом, разделяющую общую цель

обеспечения справедливого, беспристрастного и эффективного правосудия. Прокурор является стороной, но признается, что он представляет интересы международного сообщества и должен действовать объективно и справедливо. Фактически при проведении расследования и надзора на первой стадии уголовного судопроизводства прокуроры являются основными защитниками прав человека, и эта важная роль должна осуществляться на протяжении всего процесса, ограничивая риск непропорционального политического вмешательства в то, как они осуществляют свои полномочия [5, с. 5]. С этой точки зрения независимость прокуратуры является следствием независимой судебной власти, которую следует укреплять и поощрять.

Список источников

1. Айриянц Р.А. Сотрудничество государств с Международным уголовным судом // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". 2022. № 14-1. С. 6-10.
2. Букуру Ж.Б. Международно-правовые проблемы иммунитета действующих глав государств и практика Международного уголовного суда // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 32-36.
3. Казарян А. Г. Международный уголовный суд: оценка // Интеграция наук. 2018. № 5 (20). С. 48-49.
4. Копылова Е. А. Прокурор *amicus curiae* и Международный уголовный суд // Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 35-38.
5. Нуреева Л.Р. Этические нормы поведения прокурора международного уголовного суда // Международное право. 2022. № 2. С. 1-9.
6. Румянцева Ю. Н. Россия и Международный уголовный суд: перспективы сотрудничества // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2020. № 4 (273). С. 68-75.
7. Разбейко Н. В. Современные проблемы работы Международного уголовного суда // Сборник научных работ серии "Право". 2021. № 4(24). С. 101-108.
8. Трикоз Е. Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2005. № 3(99). С. 134-147.
9. Тимохин К. В. Международные судебные органы: эволюционное развитие или "самоопределение"? (на примере Международного уголовного суда) // Международный правовой курьер. 2018. № 3(27). С. 41-47.
10. Ханеев Д. Ф. Международный уголовный суд: понятие, история создания и значение // Матрица научного познания. 2021. № 12-1. С. 315-323.

References

1. Airiyants R.A. Sotrudnichestvo gosudarstv s Mezhdunarodnym ugolovnym sudom [Cooperation of states with the International Criminal Court], *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Dnetskii natsional'nyi universitet"* [Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University], 2022, no. 14-1, pp. 6-10. (In Russ.).
2. Bukuru J.B. Mezhdunarodno-pravovye problemy immuniteta deistvuyushchikh glav gosudarstv i praktika Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [International legal problems of immunity of acting heads of State and the practice of the International Criminal Court], *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic appendix to the Russian Law Journal], 2019, no. 1, pp. 32-36. (In Russ.).
3. Kazaryan A. G. Mezhdunarodnyi ugolovnyi sud: otsenka [International Criminal Court: assessment], *Integratsiya nauk* [Integration of sciences], 2018, no. 5 (20), pp. 48-49. (In Russ.).
4. Kopylova E. A. Prokuror amicus curiae i Mezhdunarodnyi ugolovnyi sud [Prosecutor amicus curiae and the International Criminal Court], *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 6 (145), pp. 35-38. (In Russ.).
5. Nureeva L.R. Eticheskie normy povedeniya prokurora mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [Ethical standards of conduct of the prosecutor of the International Criminal Court], *Mezhdunarodnoe pravo* [International law], 2022, no. 2, pp. 1-9. (In Russ.).

6. Rumyantseva Yu. N. Rossiya i Mezhdunarodnyi ugovnyi sud: perspektivy sotrudnichestva [Russia and the International Criminal Court: prospects for cooperation], *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voennopravovoe obozrenie* [Law in the Armed Forces - Military Legal Review], 2020, no. 4 (273), pp. 68-75. (In Russ.).

7. Razbeyko N. V. Sovremennye problemy raboty Mezhdunarodnogo ugovnogo suda [Modern problems of the work of the International Criminal Court], *Sbornik nauchnykh rabot serii "Pravo"* [Collection of scientific works of the series "Law"], 2021, no. 4 (24), pp. 101-108. (In Russ.).

8. Trikoz E. N. Nachalo deyatelnosti Mezhdunarodnogo ugovnogo suda: sostoyaniye i perspektivy [The beginning of the activity of the International Criminal Court: state and prospects], *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2005, no. 3 (99), pp. 134-147. (In Russ.).

9. Timokhin K. V. Mezhdunarodnye sudebnye organy: evolyutsionnoye razvitiye ili "samoopredeleniye"? (na primere Mezhdunarodnogo ugovnogo suda) [International judicial bodies: evolutionary development or "self-determination"? (on the example of the International Criminal Court)], *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er* [International Legal Courier], 2018, no. 3 (27), pp. 41-47. (In Russ.).

10. Khaneev D. F. Mezhdunarodnyi ugovnyi sud: ponyatiye, istoriya sozdaniya i znachenie [International Criminal Court: concept, history of creation and meaning], *Matritsa nauchnogo poznaniya* [Matrix of scientific cognition], 2021, no. 12-1, pp. 315-323. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рагимов Азати Тагирович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* ragimov1510@mail.ru

Джамал Махачевич Галбацов, магистрант кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* galbatsov001@mail.ru

Поступила в редакцию 04.04.2023 г.; одобрена после рецензирования 30.05.2023 г.; принята к публикации 31.05.2023 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ragimov Azadi Tagirovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* ragimov1510@mail.ru

Galbatsov Jamal Makhachevich, Master's student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* galbatsov001@mail.ru

Received 04.04.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.05.2023.